

Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.)

Статья посвящена обсуждаемым в новейшей российской историографии проблемам региональной политики Российской империи в начале XIX в., особенностям государственно-правового статуса и административной практики Царства Польского, когда выработались основные принципы и особая структура управления окраинами империи, когда на ее периферии сформировались особые регионы в историческом и национально-культурном отношении. Политика российского правительства по отношению к Царству Польскому зависела как от основополагающих тенденций международных отношений в Центральной и Восточной Европе, что нашло отражение в международных договорах, так и от внутриполитического развития империи и особенностей политического, правового, социального, экономического, культурного процессов в Царстве и на польских землях в составе Австрии и Пруссии. Все эти аспекты оказывают влияние на дискуссию, которую ведут историки и правоведы по вопросу о государственно-правовом статусе вошедшей в 1815 г. по решению Венского конгресса в состав Российской империи части земель бывшего Княжества Варшавского. Основополагающими принципами политики Российской империи в Царстве Польском в первой половине XIX в. были сочетание самодержавия (с отдельными элементами просвещенного абсолютизма), опирающегося на централизованное бюрократическое управление, и относительно децентрализованных политико-административных и сословных структур, предполагавших наличие местного самоуправления.

Ключевые слова: *Российская империя в I половине XIX века, конституционный период истории Царства Польского, уния личная и реальная, национальная политика, национальные отношения, административное устройство национальных окраин, автономное управление, интеграция в общеимперскую административную и правовую системы.*

На протяжении всей истории российской государственности, по крайней мере с образования в XV в. на северо-востоке русских земель Российского централизованного государства, одной из центральных проблем отечественной истории была история взаимоотношений Московского государства (Замосковского края) с входившими в состав державы Рюриковичей и Романовых землями и народами. Указанная проблематика имеет богатейшую историографию. Однако при всех самых разнообразных особенностях исторических областей, составлявших Российское государство и нередко сохранявших «живые следы прежней автономии», ни в административной практике России, ни в общественно-политической мысли вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. не было представлений о некоем политическом, административном, имперском ядре и о регионах на окраинах империи.

Эти представления начинают формироваться в начале XIX столетия, когда в состав Российского государства по международным договорам входили территории от Закавказья до Финляндии, отличавшиеся как от империи в целом, так и друг от друга по историческим, социально-экономическим, политическим, религиозным и культурным условиям и по уровню развития. Среди таких присоединенных к империи территорий было и Царство Польское. Проблеме польских земель и прежде всего Царству Польскому принадлежит в новейшей российской историографии особое место в исследованиях, посвященных особенностям национального, социального и политического положения «окраин Российской империи» в XIX в., их взаимоотношении с «имперским центром», специфике правового и административного статуса этих территорий и живущих там народов. В настоящей статье мы рассматриваем главным образом воззрения и концепции, сформировавшиеся в отечественной исторической науке, не обращая специально к анализу польской историографии.

Особая региональная политика как специфическое направление внутренней политики Российского государства формировалась с начала XIX в. не только по мере территориального расширения империи, которое на западных рубежах к этому времени практически достигло своего предела, а прежде всего по мере складывания и совершенствования в центре и на местах бюрократического государственного аппарата. Последний имел на присоединенных землях существенные особенности по сравнению с общеимперскими учреждениями, дополнявшиеся особым территориальным делением, особым законодательством и особой администрацией. Специфический государственно-правовой, административный и сословный статус этих территорий

был обусловлен внутренними (природно-географическими, общеисторическими, этносоциальными) и внешними факторами (соотношением сил на международной арене, территориальным разделом и разделом сфер влияния между великими державами на востоке Европы). При этом нельзя не принять в расчет отмеченного в историографии влияния субъективных геополитических воззрений монархов, видевших себя вершителями судеб Европы и населявших ее народов¹. Весьма вероятно, что на формирование принципов региональной политики оказала влияние идеология Просвещения, еще сохранявшая в первой четверти XIX в. свое влияние в России и на востоке Европы. В частности, по мнению Ш.-Л. Монтескье, монархии, покоряющие «окрестные страны», сохраняли все атрибуты прежней власти: «те же суды, те же законы, те же обычаи, те же привилегии», ничего нельзя было изменить, «кроме армии да имени государя»². В этом же духе М. М. Сперанский строил планы «по созданию вокруг русских территорий пояса провинций, при управлении которым следует учитывать местные особенности»³.

Окончание наполеоновских войн и эпоха Реставрации определили судьбу разделенной Польши. По постановлениям Венского конгресса и соглашениям, подписанным Австрией, Пруссией и Россией в 1815 г., в частности, предусматривалась передача большей части территории Герцогства (Княжества) Варшавского в вечное и наследственное

1 Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М., 1998. С. 383–384.

2 *Монтескье*. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. К чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных. СПб., 1900. С. 145.

3 *Ютиккала Э.* История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / сост. Мауно Йокиппи. Ювяскюля, 1995. С. 53; *Новикова И. Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.) / отв. ред. П. И. Савельев. М., 1997. С. 130. См. также: *Кодан С. В., Февралёв С. А.* Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи. Вторая половина XVII — начало XX в. М., 2012. С. 23; *Каснэ С. И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 119.

владение российскому императорскому дому. Образованное таким образом Царство Польское (в польской традиции именовавшееся Королевство Польское) должно было находиться «под особенным управлением» в составе Российской империи. Царству Польскому император предполагал «даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее устройство», а «поляки, как российские подданные, так равномерно и австрийские, и прусские» должны были «иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который [...] будет признан за полезнейший и приличнейший для них»⁴.

В отличие от Австрии и Пруссии, которые на присоединенных польских землях, вопреки собственным обещаниям, не ввели представительных учреждений и всячески ограничивали свободу передвижения, торговли и судоходства в границах Речи Посполитой 1772 г., Царству Польскому была дарована конституция, а в решении вопросов внутренней жизни — право на собственное, хотя и значительно ограниченное, законодательство и самоуправление⁵.

Споры между российскими и польскими правоведами и историками о государственно-правовом статусе Царства Польского сводятся к толкованию постановлений Венского конгресса и польской Конституции 1815 г., Органического статута 1832 г., законодательных актов наместников и Административного совета Царства Польского 1832–1862 гг. и ведутся, начиная с XIX столетия, на границе государственного и международного права⁶. Российские и польские праведы и историки определяют объединение под властью одного монарха двух и более государств как унию (личную и реальную). Польские исследователи, которые рассматривают союз Российского государства и Царства Польского как личную унию, полагают, что она являлась

4 *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 237–238, 319–320, 336–337; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Собрание 1 (ПСЗ-1). Т. 33. 1815–1816. № 25824. С. 64–70; № 25827. С. 78–87; № 25863. С. 146–147.

5 *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980. С. 332; *Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005. С. 192–193.

6 *Пергамент М. Я.* Юридическая природа реальной унии: Учение о соединении государств. М., 2016. С. 3; *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1887. Т. 1. С. 232–250.

продолжением заключенных первой Речью Посполитой уний с Литвой, Швецией, Саксонией, а также планов создания «тройственной унии» с Россией в XVII в.⁷ В российской историографии, помимо сторонников личной и реальной унии⁸, существует ряд исследователей, рассматривающих Российскую империю как единое государство, предоставлявшее «широкую местную автономию» некоторым присоединенным территориям, которые ранее были самостоятельными государствами с незначительным числом русского населения⁹.

Российскому правительству в условиях, когда были достигнуты пределы внешней экспансии в Европе и ограничены внутренние ресурсы для ее продолжения, необходимо было обеспечивать внешнюю безопасность и геополитическую устойчивость империи¹⁰. Во внешней политике потребовалось заключение международных договоров,

7 Глембоцкий Х. Почему не удался опыт польско-российского соглашения в виде Царства Польского в 1815–1830 гг. Геополитика польско-российского соглашения // Остафьевский сборник. М., 2017. Вып. 13. С. 155.

8 Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 555–564; Ивановский В. В. Русское государственное право. Казань, 1898. Т. 1. Ч. 2. С. 327; Пергамент М. Я. Юридическая природа реальной унии... С. 122–136; Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). Дисс. ... к. ю. н. М., 2000. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000292944> (дата обращения: 01.08.2020); Ващенко А. В. Проблема юридического содержания понятия «реальная уния» на примере Царства Польского // Право и права человека: сборник научных трудов юридического факультета МГПУ / отв. ред. А. В. Звонарев. М., 2002. Кн. 5. С. 281–291; Андреева Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи. М., 2015. С. 41–42, 45–46.

9 Третьякова Е. С. Основные направления международно-правового сотрудничества Российской империи в XIX веке / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ С. В. Кодана. М., 2016. С. 20. См. также: Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1893. Т. 1. С. 188–192; Канцлер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997. С. 89; Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 44–45; Национальные окраины Российской империи. С. 361–362.

10 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи. Вторая половина XVII — начало XX в. М., 2012. С. 21, 29–30; Андреева Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского... С. 23–24.

определявших государственные границы, режимы приграничных территорий, правила пропуска людей, транспорта, грузов и товаров¹¹. Важнейшими элементами внутренней политики стали охрана статус-кво и сотрудничество с нерусскими элитами. Предоставление присоединенным в начале XIX в. территориям особого статуса позволяло удерживать новые владения и обеспечивать лояльное отношение к интересам империи проживавшего там населения¹².

Традиционно вхождение в состав Российской империи новых территорий носило «жалованный характер». Эта форма пожалования была применена и в 1815 г., когда майским манифестом царь объявлял «о присоединении к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского, под наименованием Польского Царства» и об организации внутреннего управления «оного на особенных правилах, свойственных наречию, обычаям жителей, и к местному их положению примененных»¹³, а также в июне именным указом Сенату — об изменении титула российского императора¹⁴.

11 *Третьякова Е. С.* Основные направления... С. 15.

12 *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 60; *Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России... С. 194–195; *Ващенко А. В.* Правовой статус Царства Польского... С. 86–87; *Чернуха В. Г.* Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // Исторические записки. 2003. № 6 (124). С. 134–135; *Четвертков А. М.* Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX в. Автореферат дисс. ... к. ю. н. М., 1987. С. 12, 16; *Стольников В. В.* Разработка и реализация политики Российской империи в отношении национальных окраин в XVI–XVIII вв. Дисс. ... к. и. н. М., 2005. С. 187–196; *Третьякова Е. С.* Основные направления... С. 20; *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 36; *Глембоцкий Х.* Почему не удался опыт польско-российского соглашения... С. 159.

13 ПСЗ-1. Т. 33. № 25842. С. 117–119; Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881) / изд. Н. Г. Сергеевского. СПб., 1907. С. 14–15. См. также: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1972. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. 8. Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. / ред. коллегия: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.]. С. 344; *Макарова Г. В.* Россия и создание конституционного Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010. С. 92.

14 ПСЗ-1. Т. 33. № 25875. С. 195.

Объединение Российской империи и Царства Польского скрепляла Конституция 1815 г. С социально-политической точки зрения, Конституционная хартия закрепляла сословное и политическое господство польской землевладельческой шляхты, на которую распространялись все конституционные привилегии, права и свободы. Конституция предоставляла весьма ограниченные права городскому сословию. Крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, было практически лишено конституционных прав и, несмотря на формальную личную свободу, на деле оставалось в вотчинной власти помещиков.

Конституция 1815 г. была призвана продемонстрировать так называемую «отделенность» Царства Польского от Российской империи, что, в частности, находило выражение в клятве на верность конституции, которую должны были приносить российские цари, когда короновались польской короной. При этом особо оговаривалось, что коронация должна проходить в Варшаве. Империя и Царство были связаны одним монархом и общей правящей династией, что закреплялось в едином законодательстве о престолонаследии. Без участия царя (короля) Польши невозможно было изменить конституцию. Законодательная власть вверялась двухпалатному сейму, постановления которого получали силу закона после утверждения их императором, который на время своего отсутствия назначал наместника, обладавшего всей полнотой власти «за исключением права издавать органические статуты, отменять высочайшие рескрипты, созывать сеймы, сеймики и т. д.»¹⁵. Исполнительная власть передавалась Правительственным комиссиям (министерствам). Некоторые элементы национальной «обособленности» Царства были сохранены в государственной символике (на гербе польский белый орел располагался на фоне двуглавого орла российского)¹⁶, в употреблении польского языка в качестве государственного (французский язык сохранился в переписке императора с законодательными и исполнительными учреждениями Царства), в существовании отдельной от российской польской армии¹⁷. В Царстве Польском не было создано единых с империей

15 *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 29–31; *Askenazy S.* Rosya–Polska 1815–1830. Lwów, 1907. S. 68–69.

16 *Аскенази Ш.* Царство Польское. С. 29–31; *Askenazy S.* Rosya–Polska. S. 68–69.

17 *Ващенко А. В.* Правовой статус Царства Польского... С. 74–75; *Аверин М. Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское в

органов власти, а вопросы внешней политики и аппарат ведомства иностранных дел находились в ведении Петербурга. Трактаты, заключенные Российской империей, были обязательны для исполнения только тогда, когда в них упоминалось Царство Польское. Перепиской с представителями иностранных государств занималась созданная при Константине Павловиче дипломатическая канцелярия¹⁸.

Декларируя в манифестах сохранение местного права и привилегий Царства Польского, российская верховная власть на практике, устраняя несоответствие между общегосударственной правовой системой и местным законодательством, постоянно вносила изменения в правовую систему, а также административную и судебную практику Царства, что в конечном счете влекло за собой и определенную эволюцию и государственно-правового статуса Царства Польского, и сословного положения проживавшего на его территории населения¹⁹.

Подобное развитие событий предвидел один из выдающихся государственных деятелей Пруссии того времени — барон Штейн, который в письме к Александру I из Вены в октябре 1814 г. писал: «Конституция, которая объединила всю русскую Польшу в одно политическое целое, под именем Царства Польского, и превратит ее в государство, соединенное с Российской империей, разрушит единство ее внутреннего управления, затруднит его действия, будет поддерживать в русских поляках мечты о возрождении их независимости, а среди тех, которые достанутся остальным державам, — причины к брожению и стремления к отделению. Следовательно, такой порядок вещей будет содержать в себе элементы разъединения между Россией как абсолютной монархией и Польшей как конституционным

государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX века — 1881 год). М., 2003. С. 15–16; Четвертков А. М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи... С. 21–22; Бахлов И. В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск, 2004. С. 279–280, 326–238; Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 26; Skowronek J. Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej. Warszawa, 1987. S. 16.

18 Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства... С. 331, 334–337; Выдрин Р. И. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 101; Третьякова Е. С. Основные направления... С. 15–17.

19 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 45, 47.

государством. Россия в таком исключительном положении Царства Польского найдет причины к зависти и всегда будет рада заменить унию инкорпорацией. Польша же будет беспокоиться о сохранении своих прав, и ее беспокойство примет мятежный характер, свойственный нации. Унию сменит система постепенного захвата, которая в конечном результате, после ряда новых потрясений, приведет либо к покорению, либо к отложению Царства Польского»²⁰.

Интеграция Царства в общеимперскую правовую и административную систему была одной из основных проблем как царского правительства в Петербурге, так и властей в Варшаве, однако необходимость учитывать административно-политические и финансовые трудности, а также возможность дестабилизации обстановки приводили к отказу от создания в первой трети XIX в. единого имперского законодательства²¹, которое бы среди прочего распространялось и на Царство Польское. Использование централизации и децентрализации в правовом регулировании, наряду с определенной управленческой и правовой самостоятельностью вошедших в состав империи земель, приводило к тому, что сначала окраины получали собственное законодательство, а затем и «особое управление»²². Наряду с системой централизованного бюрократического управления абсолютистского государства в начале XIX столетия создавались относительно децентрализованные политико-административные структуры, предполагавшие наличие местного самоуправления²³.

Однако постепенно российский император отступает от взятых ранее обязательств, что нашло выражение в особом статусе в. кн. Константина как главнокомандующего польской армией и военных властей, в установлении должности министра — государственного секретаря, в назначении Н. Н. Новосильцева комиссаром при Административном совете, в ликвидации должности наместника после

20 *Аскенази Ш.* Царство Польское. С. 19–20.

21 *Кодан С. В., Февралёв С. А.* Местное право... С. 31–32.

22 *Чернуха В. Г.* Проблемы изучения империи... С. 136–137; *Раскин Д. И.* Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII — нач. XX в.: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2006. С. 7.

23 *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма... С. 53–54; *Ивановский В. В.* Административное устройство наших окраин. Казань, 1891. С. 7–8; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX века). СПб., 1998. С. 15.

смерти в 1826 г. Ю. Зайончека, во введении цензуры, в изменениях порядка созыва и работы сейма. Все эти мероприятия, в той или иной степени, были направлены на ревизию конституции и ограничение конституционных свобод²⁴.

Польское Ноябрьское восстание 1830 г. вспыхнуло во многом под влиянием революционного кризиса в Европе и революций в Бельгии и во Франции. Поднявшие знамя национального освобождения вдохновленные событиями на западе Европы молодые офицеры-заговорщики получили массовую поддержку со стороны варшавских низов. Аристократические верхи польского общества и генералитет польской армии в большинстве своем присоединились к восстанию в расчете на компромисс с царским правительством. Однако Николай I взял курс на военное подавление восстания при условии безоговорочной капитуляции повстанцев. Добившись военной победы, царь в дальнейшем рассматривал Царство Польское как завоеванную провинцию и не считал себя связанным постановлениями Венского конгресса 1815 г. В то же время, основываясь на принципах Священного союза (легитимизма, статуса кво и интервенции), он не отказался от формального соблюдения венских соглашений 1815 г. Основываясь на своем праве «даровать» фундаментальные законы Царству, он отменил Конституцию 1815 г., что способствовало пересмотру законодательства Царства Польского, унификации и постепенному поглощению местных правовых систем общегосударственными²⁵. Формальной политической самостоятельности («отделенности») Царства Польского был нанесен сильнейший удар, однако в условиях чрезвычайного положения в период наместничества И. Ф. Паскевича, благодаря авторитарной практике князя Варшавского и его особым отношениям с царем, администрация Царства сохранила в значительной степени в своей практической деятельности фактическую независимость от петербургских властей. Тем

24 *Выдрин Р. И.* Национальный вопрос в русском общественном движении. С. 101, 104; *Писаревский Г. Г.* Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. По неизданным архивным документам. Смоленск, 1926. С. 21; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / под ред. В. В. Черкесова. СПб., 2003. Т. 1. С. 299–300; *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма... С. 33; *Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007. С. 83–84.*

25 *Кодан С. В., Февралёв С. А.* Местное право... С. 45–46; *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб., 2007. С. 219–220.

не менее по своему государственно-правовому статусу и в области законодательства Царство Польское после 1831 г. утратило по сути дела все прежние фундаментальные конституционные учреждения, в первую очередь институты народного представительства. Конституция 1815 г. была заменена Органическим статутом 1832 г., что с формальной юридической точки зрения и не противоречило конституционным нормам, основанным на постановлениях Венского конгресса и самой Конституции 1815 г., но означало, однако, ее полную отмену.

Органический статут, изданный в феврале 1832 г., но не введенный в действие вследствие военного положения, отменил представительные учреждения, поставив во главе Царства наместника и Административный совет, и значительно ограничил компетенции трех оставшихся комиссий, утративших статус министерств и названных дирекциями²⁶. В 1841 г. был упразднен Государственный совет Царства Польского, осуществлявший контрольные функции в отношении структур исполнительной власти и бывший одной из высших судебных инстанций. Наличие Государственного совета, роль которого в конституционной системе Царства Польского была относительно невелика, политические верхи польского общества рассматривали как важный атрибут государственной власти, а его ликвидация стала своего рода актом понижения государственно-правового статуса Царства Польского. Создание тогда же в Петербурге Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете империи только подчеркивало это обстоятельство. Происходили и другие изменения. На гербе Царства польский орел, так же как и другие гербы, переместился на крылья российского орла, собственная армия была ликвидирована, а вместо существовавших воеводств в 1845 г. территория была разделена на пять губерний.

Период приоритета и изолированности управления и системы права Царства Польского от общероссийской правовой системы, продолжавшийся с 1815 по 1832 г., после восстания 1830–1831 гг. постепенно трансформировался в процесс интеграции польского законодательства в российское, который после восстания 1863–1864 гг. только усилился²⁷.

²⁶ Выдрин Р. И. Национальный вопрос в русском общественном движении. С. 119–120; Аскенаси Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. С. 33; *Radziszewski H.* Skarb i organizacya władz skarbowych w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1908. Т. 2 (1831–1867). S. 55.

²⁷ Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 11, 26, 163–165.

В период политического кризиса в России 1859–1861 гг. и в начале эпохи великих реформ Александр II, рассчитывая на компромисс с польскими дворянами-землевладельцами, а также с аристократическими и бюрократическими верхами Царства Польского, с одной стороны, призывал их «оставить бесплодные мечтания», а с другой — в контексте реформаторского процесса на рубеже 1850–1860-х гг. выразил согласие восстановить относительную административную самостоятельность Царства. Возобновилась работа Государственного совета, на чем настаивали польская аристократия и бюрократические верхи, выступавшие за сотрудничество с царскими властями. Это стало одним из важных положений реформаторской программы А. Велепольского²⁸. Были созданы выборные губернские и уездные советы. Особый статус Царства должно было подчеркнуть назначение наместником брата императора в. кн. Константина Николаевича. Однако большинство польского дворянства, представленного Земледельческим обществом, отвергло правительственный проект крестьянской реформы в Царстве Польском, в основе которого лежал принцип государственного посредничества между помещиками и крестьянами в разрешении крестьянского вопроса. Более того, польские помещики заявили претензию на передачу себе всей полноты государственной власти, что в совокупности стало одной из решающих причин Январского восстания 1863 г.²⁹

Таким образом, с 1815 г. до середины 1860-х гг. наряду с сохранявшимся особым государственно-правовым и административным статусом Царства Польского во всех областях центрального и местного управления наблюдалась постепенная и устойчивая тенденция интеграции его в общеимперскую систему.

Сохранять государственное единство, соблюдая баланс интересов, в условиях, когда в состав Российской империи вошли территории, населенные народами, имевшими богатый исторический опыт собственной государственности, не всегда удавалось³⁰. Поиск оптимальной модели управления окраинами происходил в течение всего XIX в. При этом учитывались политические, экономические, нацио-

28 Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2016. С. 691–720.

29 Ивановский В. В. Русское государственное право. Т. 1. Ч. 2. С. 327–328.

30 Ващенко А. В. Правовой статус... С. 151; Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 65.

нальные особенности регионов³¹. Царство Польское вошло в состав Российского государства в период административных преобразований и создания в 1826–1832 гг. Свода законов Российской империи. В ряде новейших исследований отмечается, что в это время наряду с законами, действующими «во всем пространстве империи», разрабатывались общие принципы для законов местных, действие которых ограничивалось отдельными областями³².

Согласно оценке современных российских исследователей, развитие политических отношений Российской империи с политической элитой и населением Царства до 1830 г. представляло процесс объединения собственно польского законодательства и политических традиций с правовыми и политическими системами государств, под управлением которых находились земли Речи Посполитой после разделов и до начала XIX в. Отмена конституционного устройства Царства Польского после восстания 1830–1831 гг. и его трансформация после восстания 1863–1864 гг., когда территория с особым статусом стала Привислинским краем, привели в конечном итоге к интеграции политической и правовой систем Царства в общеимперскую³³ и к превращению «польской части империи из государственной автономии в административно-территориальную единицу»³⁴.

Статус вошедшего в состав Российской империи Царства Польского был закреплен международными договорами, положения которых не могли ограничить «властные, управленческие и законодательные функции российского монарха». В любой момент российский император мог или расширить, или «отказаться от взятых на себя обязательств»³⁵. Подобная позиция соответствовала «аристократическому характеру»

31 Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России (вместо введения) // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / отв. ред. П. И. Савельев. М., 1997. С. 17.

32 Обзорение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II Отделении Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1837. С. 111–112; Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 38, 49.

33 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 43, 182–183, 193–194.

34 Кодан С. В. Статус Царства Польского в составе Российской империи в 1830–1850-е гг. // Актуальные проблемы правовой науки: Межвузовский сборник научных трудов / сост. и отв. ред. С. О. Шаляпин. Вып. 3. Архангельск, 2003. С. 17.

35 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 45.

международных отношений, в соответствии с которыми европейские государи создавали зависимые территориально-государственные образования, таким образом решая не только судьбы народов, но и целых государств³⁶. Государственное управление и государственное устройство Царства определялись законодательством Российской империи и Конституционной хартией 1815 г. Государственная власть в Царстве Польском представляла собой соединение неограниченного самодержавия, когда окончательное решение оставалось за верховной властью, «с конституционным порядком в национальном регионе империи»³⁷. Причины, которые привели к уничтожению конституционных порядков, кроются в несовпадении государственных интересов империи как целого и его мятежной окраины, в религиозных, культурных, социальных, национальных факторах, территориальном вопросе³⁸. Равновесие «между центральными и территориальными административными и правовыми учреждениями»³⁹, а также между «самодержавием в российском центре» и «политической свободой на нерусской периферии»⁴⁰ было неустойчивым. Если в первой трети XIX в. в национальной политике преобладали тенденции толерантности и прагматизма, что с точки зрения имперских властей диктовалось потребностью решения геополитических задач и необходимостью обеспечения внешней и внутренней безопасности, а также поддержания стабильности социальных процессов в условиях изменения системы государственной власти при императиве консервации системы государственного управления, то в период после Ноябрьского восстания 1830 г. стала все больше набирать силу тенденция интеграции статуса, правовой системы и администрации Царства в общеимперскую государственно-политическую систему.

36 Ващенко А. В. Проблема юридического содержания понятия «реальная уния»... С. 289–290.

37 Красняков Н. И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII — начала XX в. М., 2011. С. 228, 247. См. также: Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 35.

38 Ващенко А. В. Правовой статус... С. 156–162; Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 7; Писаревский Г. Г. Из истории конгрессового Царства Польского... С. 31–32; Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. 2003. Т. 6 (124). С. 86–91; Кантелер А. Россия — многонациональная империя. С. 158–159.

39 Рибер А. Сравнивая континентальные империи. С. 37.

40 Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 83.

В 1830–1850-е гг. «изменение в национальной политике [...] нашло отражение в расширении использования общеимперского законодательства на тех территориях, где действовало местное законодательство». Интенсивность этого процесса зависела от того, насколько лояльны к российской власти были элиты окраин. Неприятие проводимой региональной политики пресекалось, в том числе и с применением военной силы⁴¹.

Созданная в Царстве Польском система взаимодействия центра и периферии существовала до тех пор, пока имперский центр не стал навязывать в качестве универсальной собственную модель развития и систему ценностей. Равновесие было нарушено восстанием 1830–1831 гг., подавление которого стало началом процесса трансформации окраины с особым статусом в провинцию⁴². Однако при формировании региональной политики во второй половине XIX в. российское правительство должно было учитывать и существовавшую автономию и конфессиональные особенности Царства Польского, а также незначительное присутствие в этом регионе русского населения (чиновники, воинские гарнизоны, поселенцы)⁴³. Разрешение противоречия самодержавного и конституционного принципа в непрочном союзе России и Царства Польского заключалось в конечном итоге в выборе одной из альтернатив: интеграции Царства в состав Российской империи либо борьбы польского общества с самодержавием до его свержения.

Источники и литература

Аверин М. Б. Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX века — 1881 год). М.: ИГ Юрист, 2003. 163 с.

Андреянова Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи. М.: Зерцало-М, 2015. 128 с.

Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 168 с.

41 *Кодан С. В.* Статус Царства Польского... С. 29.

42 *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма... С. 65.

43 *Кодан С. В.* Статус Царства Польского... С. 20; *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 89.

Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М.: Юридическая литература, 1980. 559 с.

Бахлов И. В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2004. 652 с.

Ващенко А. В. Проблема юридического содержания понятия «реальная уния» на примере Царства Польского // Право и права человека: сборник научных трудов юридического факультета МГПУ. М.: Логос, 2002. Кн. 5 / отв. ред. А. В. Звонарев. С. 281–291.

Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). Дисс. ... к. ю. н. М., 2000. 182 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000292944> (дата обращения 01.08.2020).

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М.: Издательство политической литературы, 1972. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. 8. Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. / ред. колл.: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.]. 800 с.

Выдрин Р. И. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. (Год издания III). Январь. № 1. С. 100–123.

Глембоцкий Х. Почему не удался опыт польско-русского соглашения в виде Царства Польского в 1815–1830 гг. Геополитика польско-русского соглашения // Остафьевский сборник. М., 2017. Вып. 13. С. 154–173.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.

Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: [б. и.], 2009. 389 с.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. 599 с.

Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. 270 с.

Ивановский В. В. Административное устройство наших окраин. Казань: Типография императорского университета, 1891. 47 с.

Ивановский В. В. Русское государственное право. Казань: Типография императорского университета, 1898. Т. 1. Ч. 2. 672 с.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / под ред. В. В. Черкесова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1. 577 с.

Канпелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 344 с.

Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 256 с.

Кодан С. В. Статус Царства Польского в составе Российской империи в 1830–1850-е гг. // Актуальные проблемы правовой науки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / сост. и отв. ред. С. О. Шаляпин. Архангельск: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2003. С. 15–30.

Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи. Вторая половина XVII — начало XX вв. М.: Nota Bene, 2012. 196 с.

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881) / изд. Н. Г. Сергеевского. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1907. 148 с.

Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 1. Введение и общая часть. 623 с.

Красняков Н. И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII — начала XX в.: Монография. М.: NOTA BENE, 2011. 374 с.

Кутафин О. Е. Российская автономия. М.: Проспект, 2006. 768 с.

Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / под ред. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 71–93.

Макарова Г. В. Россия и создание конституционного Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 11–108.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1876. Т. 3. 550 с.

Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1887. Т. 1. 424 с.

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. 775 с.

Монтескье. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. К чему автор прибавил новые исследования о за-

конах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных / пер. с франц. под редакцией А. Г. Горнфельда, вступ. ст. М. М. Ковалевского. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900. 706 с.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред.: С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1997. 416 с.

Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / отв. ред. П. И. Савельев. М.: ЗАО «Первый печатный Двор», 1997. С. 130–148.

Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II Отделении Собственной его императорского величества канцелярии. СПб.: В типографии II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1837. 202 с.

Пергамент М. Я. Юридическая природа реальной унии: Учение о соединении государств. М.: Ленанд, 2016. 152 с. (Из наследия мировой политологии. № 64).

Писаревский Г. Г. Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I: По неизданным архивным документам. Смоленск: [б. и.], 1926. 48 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Санкт-Петербург: Печатано в типографии II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Собрание I. Т. 33. 1815–1816. 1180 с.

Раскин Д. И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII — нач. XX в. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: Нестор, 2006. 54 с.

Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России (вместо введения) // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / отв. ред. П. И. Савельев. М.: ЗАО «Первый печатный Двор», 1997. С. 5–18.

Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 33–70.

Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. М.: Наука, 2003. Вып. 6 (124). С. 86–131.

Стольников В. В. Разработка и реализация политики Российской империи в отношении национальных окраин в XVI–XVIII вв. Дисс. ... к. и. н. М., 2005. 205 с.

Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб.: [Б. и.], 1907. 198 с.

Третьякова Е. С. Основные направления международно-правового сотрудничества Российской империи в XIX веке: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ С. В. Кодана. М.: Юрлитинформ, 2016. 168 с.

Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. 293 с.

Чернуха В. Г. Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124). С. 132–142.

Четвертков А. М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX в.: Автореферат дисс. ... к. ю. н. М.: [Б. и.], 1987. 23 с.

Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / сост. Мауно Йокиппи. Ювяскюля: Антена, 1995. С. 39–95.

Askenazy S. Rosya–Polska 1815–1830. Lwów: Altenberg, 1907. 206 s.

Radziszewski H. Skarb i organizacya władz skarbowych w Królestwie Polskiem. T. 2 (1831–1867). Warszawa: Skład główny w księgarni E. Wende i S-ki (T. Hiż i A. Turkuł), 1908. 357 s.

Skowronek J. Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza RSW «Prasa — Książka — Ruch», 1987. 80 s.

References

Andreyanova, N. N., Vashchenko, A. V., Zvonarev, A. V. *Pravovoy status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiyskoy imperii*. Moscow: Zertsalo-M, 2015, 128 p.

Askenazi, Sh. *Tsarstvo Pol'skoe 1815–1830 gg*. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve, 1915, 168 p.

Askenazy, S. *Rosya–Polska 1815–1830*. Lwów: Altenberg, 1907, 206 s.

Averin, M. B. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe i Tsarstvo Pol'skoe v gosudarstvennom mekhanizme Rossiyskoy imperii (seredina 60-kh godov XIX veka — 1881 god)*. Moscow: IG Yurist, 2003, 163 p.

Bakhlov, I. V. *Ot imperii k federatsii: istoriko-politologicheskii analiz transformatsii imperskikh sistem v federativnye*. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2004, 652 p.

Bardakh, Yu., Lesnodorskiy, B., Pietrchak, M. *Istoriya gosudarstva i prava Pol'shi*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1980, 559 p.

Chernukha, V. G. “Problemy izucheniya imperii i imperskaya funktsiya pasporta”. *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 2003, vyp. 6 (124), p. 132–142.

Chernukha, V. G. *Pasport v Rossii. 1719–1917 gg.* Saint Petersburg: Liki Rossii, 2007, 293 p.

Chetvertkov, A. M. *Pravovoe polozhenie zapadnykh natsional'nykh rayonov Rossiyskoy imperii v pervoy chetverti XIX v. Avtoreferat dissertatsii ... k. yu. n.* Moscow: [b. i.], 1987, 23 p.

Dameshek, I. L., Dameshek, L. M. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)*. Irkutsk: [b. i.], 2009, 389 p.

Dyakin, V. S. *Natsional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX — nachalo XX vv.)*. Saint Petersburg: LISS, 1998, 1000 p.

Glembotskiy, Kh. “Pochemu ne udalsya opyt pol'sko-rossiyskogo soglasheniya v vide Tsarstva Pol'skogo v 1815–1830 gg. Geopolitika pol'sko-rossiyskogo soglasheniya”. *Ostaf'evskiy sbornik*. Moscow, 2017, vyp. 13, p. 154–173.

Gorizontov, L. Ye. *Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX — nachalo XX v.)*. Moscow: Indrik, 1999, 272 p.

Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiyskoy imperii, ed. V. V. Cherkesov. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003, vol. 1, 577 p.

Ivanovskiy, V. V. *Administrativnoe ustroystvo nashikh okrain*. Kazan': Tipografiya imperatorskogo universiteta, 1891, 47 p.

Ivanovskiy, V. V. *Russkoye gosudarstvennoe pravo*. Kazan': Tipolitografiya imperatorskogo universiteta, 1898, vol. 1, part 2, 672 p.

Kappeler, A. *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya: vozniknovenie, istoriya, raspad*. Moscow: Progress-Traditsiya, 1997, 344 p.

Kaspe, S. I. *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiyskaya spetsifika*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2001, 256 p.

Kodan, S. V. “Status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiyskoy imperii v 1830–1850-e gg.”. *Aktual'nye problemy pravovoy nauki: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, vyp. 3, ed. S. O. Shalyapin. Arkhangel'sk: Pomorskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova, 2003, p. 15–30.

Kodan, S. V., Fevralyov, S. A. *Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v pravovoy sisteme Rossiyskoy imperii. Vtoraya polovina XVII — nachalo XX v.* Moscow: Nota Bene, 2012, 196 p.

Konstitutsionnaya khartiya 1815 goda i nekotorye drugie akty byvshego Tsarstva Pol'skogo (1814–1881), izd. N. G. Sergeevskogo. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 1907, 148 p.

Korkunov, N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo*. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1909, vol. 1: Vvedenie i obshchaya chast', 623 p.

Krasnyakov, N. I. *Imperskiy faktor v gosudarstvennom upravlenii Rossii XVIII — nachala XX vv.* Moscow: Nota Bene, 2011, 374 p.

Kutafin, O. E. *Rossiyskaya avtonomiya*. Moscow: Prospekt, 2006, 768 p.

Liven, D. "Imperiya na periferii Yevropy: sravnenie Rossii i Zapada". *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive*, ed. A. I. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, p. 71–93.

Makarova, G. V. "Rossiya i sozdanie konstitutsionnogo Korolevstva Pol'skogo". *Pol'sha i Rossiya v pervoy treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830*, ed. S. M. Falkovich. Moscow: Indrik, 2010, p. 11–108.

Martens, F. F. *Sobranie traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiey s inostrannymi derzhavami*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke), 1876, vol. 3, 550 p.

Martens, F. F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke), 1887, vol. 1, 424 p.

Mezh dvukh vosstaniy. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiya v 30–50-e gody XIX v., ed. S. M. Falkovich. Moscow: Indrik, 2016, 775 p.

Montesk'e. *O dukhe zakonov ili ob odnosheniyakh, v kotorykh zakony dolzhny nakhodit'sya k ustroystvu kazhdogo pravleniya, k nrvam, klimatu, religii, torgovle i t. d. K chemu avtor pribavil novye issledovaniya o zakonakh rimskikh, kasayushchikhsya nasledovaniya, o zakonakh frantsuzskikh i o zakonakh feodal'nykh*. Perevod s frantsuzskogo pod redaktsiey A. G. Gornfel'da, so vstupitel'noy stat'ey M. M. Kovalevskogo. Saint Petersburg: Izdanie L. F. Panteleeva, 1900, 706 p.

Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya. Eds. S. G. Agadzhanov, V. V. Trepavlov. Moscow: Slavyanskiy dialog, 1997, 416 p.

Novikova, I. N. "Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v imperskoy politike Rossii". *Imperskiy stroy Rossii v regional'nom izmerenii (XIX — nachalo XX veka)*. Ed. P. I. Savel'ev. Moscow: ZAO "Pervyy pechatnyy Dvor", 1997, p. 130–148.

Obozrenie istoricheskikh svedeniy o Svode zakonov. Sostavleno iz aktov, khranyashchikhsya vo II Otdelenii Sobstvennoego imperatorskogo velichestva kantselyarii. Saint Petersburg: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoye. i. v. kantselyarii, 1837, 202 p.

Pergament, M. Ya. *Yuridicheskaya priroda real'noy unii: Ucheniye o soyedinenii gosudarstv*. Moscow: Lenand, 2016, 152 p. (Iz naslediya mirovoy politologii. № 64).

Pisarevskiy, G. G. *Iz istorii kongressovogo Tsarstva Pol'skogo (1815–1830) pri Aleksandre I: Po neizdannym arkhivnym dokumentam*. Smolensk: [b.i.], 1926, 48 p.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Saint Petersburg: Pechatano v tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, sobranie 1, vol. 33, 1180 p.

Radziszewski, H. *Skarb i organizacya wladz skarbowych w Królestwie Polskiem*, t. 2 (1831–1867), Warszawa: Skład główny w księgarni E.Wende i S-ki (T. Hiż i A. Turkuł), 1908, 357 s.

Raskin, D. I. *Sistema institutov Rossiyskoy imperskoy gosudarstvennosti kon. XVIII — nach. XX v. Dissertatsiya v vide nauchnogo doklada na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk*. Saint Petersburg: Nestor, 2006, 54 p.

Remnev, A. V., Savel'ev, P. I. "Aktual'nye problemy izucheniya regional'nykh protsessov v imperskoy Rossii (vmesto vvedeniya)". *Imperskiy stroy Rossii v regional'nom izmerenii (XIX — nachalo XX veka)*, ed. P. I. Savel'ev. Moscow: ZAO "Pervyy pechatnyy Dvor", 1997, p. 5–18.

Riber, A. "Izuchaya imperii". *Istoricheskie zapiski*. Moscow: Nauka, 2003, vyp. 6 (124), p. 86–131.

Riber, A. "Srvnnyaya kontinental'nye imperii". *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspective*, ed. A. I. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, p. 33–70.

Skowronek, J. *Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza RSW "Prasa — Książka — Ruch", 1987, 80 s.

Stol'nikov, V. V. *Razrabotka i realizatsiya politiki Rossiyskoy imperii v otnoshenii natsional'nykh okrain v XVI–XVIII vv. Dissertatsiya... k. i. n.* Moscow, 2005, 205 p.

Studnitskiy, V. *Pol'sha v politicheskom otnoshenii, ot razdelov do nashikh dney*. Saint Petersburg: [b. i.], 1907, 198 p.

Tret'yakova, Ye. S. *Osnovnye napravleniya mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva Rossiyskoy imperii v XIX veke*, ed. S. V. Kodan. Moscow: Yurlitinform, 2016, 168 p.

Vashchenko, A. V. "Problema yuridicheskogo sodержaniya ponyatiya «real'naya uniya» na primere Tsarstva Pol'skogo". *Pravo i prava cheloveka: sbornik nauchnykh trudov yuridicheskogo fakul'teta MGPU*, book 5, ed. A. V. Zvonarev. Moscow: Logos, 2002, p. 281–291.

Vashchenko, A. V. *Pravovoy status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiyskoy imperii (1815–1830 gg.)*. Dissertatsiya... k. yu. n. Moscow, 2000, 182 p. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000292944> (accessed: 01.08.2020).

Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty Rossiyskogo ministerstva inostrannykh del. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1972, seriya 1, 1801–1815 gg., vol. 8, may 1814 g. — noyabr' 1815 g., ed. A. L. Narochnitskiy, 800 p.

Vydrin, R. I. "Natsional'nyy vopros v russkom obshchestvennom dvizhenii". *Goals minuvshogo*, 1915 (vol. III), yanvar', no 1, p. 100–123.

Yellinek, G. *Obshchee ucheniye o gosudarstve*. Saint Petersburg: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova, 1908, 599 p.

Yutikkala, E. "Istoriya Finlyandii s drevnosti do stabilizatsii samostoyatel'nosti v 1939 g." *Pribaltiysko-finskie narody: Istoriya i sud'by rodstvennykh narodov*, ed. Mauno Yokipii. Yuvyaskyulya: Antena, 1995, p. 39–95.

Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii, eds. M. Dolbilov, A. Miller. Moscow: Novoye literaturnoe obozreniye, 2007, 608 p.

Zeleneva, I. V. *Geopolitika i geostrategiya Rossii (XVIII — pervaya polovina XIX veka)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2005, 270 p.

*Boris V. Nosov, Lyudmila P. Marney,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences*

The regional policy of the Russian Empire in the first half of the 19th century:
The Kingdom of Poland (1815–1830)

The article is devoted to the problems of the regional policy of the Russian Empire at the beginning of the 19th century discussed in the latest Russian historiography, to the peculiarities of the state-legal status and administrative practice of the Kingdom of Poland. It was the time when basic principles and a special structure of management at the outlying regions of the empire were developed, and when special (historical, national, and cultural) regions were formed on the periphery of the Empire. The policy of the Russian government in relation to the Kingdom of Poland depended both on the fundamental trends in the international relations in Central and Eastern Europe (as reflected in international treaties), as well as on the internal political development of the empire, and the peculiarities of political, legal, social, economic, cultural processes in the Kingdom and on Polish lands in Austria and Prussia. All these aspects have an impact on the debate that historians and legal experts are conducting on the state and legal status of parts of the lands of the former Principality of Warsaw that were included in the Russian Empire in 1815 by the decision of the Congress of Vienna. The fundamental political principles of the Russian Empire in the Kingdom of Poland in the first half of the 19th century were a combination of autocracy (with individual elements of enlightened absolutism), based on centralized bureaucratic control, and relatively decentralized political, administrative and estate structures, which assumed the presence of local self-government.

Keywords: the Russian Empire in the first half of the 19th century, the constitutional period in the history of the Kingdom of Poland, personal and real union, national politics, national relations, the administrative structure of outlying national regions, autonomous government, integration into the general imperial administrative and legal system.